

РЕЙНА

Дорога

на Турухтанские

Острова

Рейна Рейна

Дорога на Турухтанские острова

«Пробел-2000»

2006

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Рейна Р.

Дорога на Турухтанные острова / Р. Рейна — «Пробел-2000»,
2006

ISBN 978-5-98604-070-8

«Какие разные здесь водятся дожди!..Обман и злая клевета –что дождь здесь бесконечен и безлик.Они – дожди – настолько здесь разнообразны и харизматичны, что в дрожь вгоняют и бывалых петербуржцев –что и говорить о всяких там приезжих...»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-070-8

© Рейна Р., 2006
© Пробел-2000, 2006

Содержание

Санкт-Петербург. Поэма о дождях и не только	6
«Выбитый оскал одряхлевшей луны...»	10
Дар	11
Снежный ворон	12
Ольмен	13
Песня о доме	15
Полно – луние	17
«Кисточку в мазут...»	18
«Ночные поезда сквозь осень...»	20
Прощание	22
«Геометрия крыш...»	23
«Сколько раз умирала за эту весну!..»	24
«Талой землей...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рейна

Дорога на Турухтанные острова

© Афоина Г.А., 2006

© ПРОБЕЛ-2000, 2006

Санкт-Петербург. Поэма о дождях и не только

Какие разные здесь водятся дожди!..
Обман и злая клевета –
что дождь здесь бесконечен и безлик.
Они – дожди – настолько здесь разнообразны и харизматичны,
что в дрожь вгоняют и бывалых петербуржцев –
что и говорить
о всяких там приезжих...

...Грибной и тихий дождь,
шуршащий, словно мышь за печкой,
и нашептывавший сказки,
когда мы – подобно всем примерным детям, –
среди бела дня ложились спать...
а, впрочем, белый день оказывался часто
настолько темен,
что и поспать не грех...

...А дождь-олень, по ржавым подоконникам
стучащий маленьким серебряным копытцем
и самоцветы рассыпающий
на солнце, среди весенних мокрых веток...

...А летний ливень, пахнущий травой,
как яблочно-зеленый луг
во время сенокоса!..

...А дождь осенний – вроде бы такой обычный,
вот только

уверенно и добродушно
с ума сводящий
с апломбом истинного психиатра... –
ну, ничего, привыкли...

И, по большому счету, это и неважно –
ведь «все здесь не в своем уме.

И ты. И я.»

...А водится еще здесь дождь,
патологически боящийся зонтов,
и столь же
патологически-настырный в их отсутствие.

Но стоит зонт открыть –
как он с несчастным хныканьем
мгновенно исчезает,
и ты идешь себе спокойно,
не вызывая, впрочем, недоуменных взглядов –
ведь все давно привыкли,
что петербуржцы ходят под зонтом в любое время года,
да и в погоду, в общем-то, в любую,
справедливо полагая,

что если здесь и в данную конкретную секунду
нет дождя,
то он вполне способен объявиться
через квартал
или пятью минутами позднее...
что, в принципе, не так уж далеко от истины...

Родное, наше... Дивные подъезды,
где плесень, ажурная, пушистая,
рисует черным удивительные карты
города
из утробно чавкающих грязью ночных кошмаров.
По этим картам даже можно отследить свой путь...
но лучше не следовать. Приснитя.
И ведь у каждого из сумрачных, таинственных подъездов
есть душа – непонятая, неразделенная...
И поздно вечерами, когда давно у всех все дома,
и даже выйти покурить кому-то неохота,
она подолгу
сидит с бутылкой пива
на пыльном подоконнике, одна,
и смотрит вниз, во двор-колодец.
А потом – и исключительно от скуки и тоски,
не из простого озорства, прошу заметить! –
кидает спички в побеленный недавно потолок,
рисует надписи похабные на стенах
крошащимся сиреневым мелком
и оставляет лужицы на ковриках под дверью...
А утром мы,
высовываясь вместе с запахом борща
из устричных дверей своих квартир,
ругаем шепотом подростков, алкашей
и невоспитанных собачников-соседей,
а потом
засовываемся обратно,
забыв про аромат борща
бесчеловечно и жестоко
оставленный за дверью... Эгоисты!..
...Ах, эти стены! С тонкой, сумрачной,
трепещущей вуалью, на свету дрожащей, комариных стай!..
Какое упоительное чудо –
день за днем (ну, может, через день),
входя в подъезд и выходя из одного,
с томленьем сердца наблюдать,
как эти стены тихо превращаются в... застенки.
Ну, дело, разумеется, лишь в голом антураже,
но и его хватает
для глюка и для образа мечтателю
и страннику великих и непознанных дорог

«из дома – на работу, и обратно»,
бегущих за туманный горизонт.
Дорога!.. Дороге ведь, поймите, тоже больно
сносить угрюмые толчки пудовых «гадов»
и раздраженные уколы «шпилек» –
она ведь помнит ласковые прикосновенья
босых цыганских грязных ног
и тяжкие удары
разбитых, словно старая посуда на помойках, об асфальт
больных некованых копыт
усталых лошадей,
а мы по ней топчем каблуками...

Так почему же
она не встанет на дыбы
и на раздует капюшон змеей рассерженной,
не зашипит, не сбросит нас с чешуйчатой спины
в тартарары куда-нибудь?..
Наверное, дело в доброте ее
и северной покорной терпеливости,
и, может быть, в слепой усталости... Не знаю.

А на дороге – склизкие растрепанные листья,
как пятна бурой грязи... Нет, они не пахнут
ни плохим вином,
ни корицей, как это описано в одной из книг,
а всего лишь слякотью осенней
и чьей-то смертью, растоптанной и не замеченной никем,
и серым небом, упавшим в реку, заболевшем
какой-то мерзкой кожною болезнью –
гнилой коростой льда.
А еще они пахнут... мечтатели расскажут, чем.
Я не скажу. Ведь эту самую усталую дорогу
так часто путают с грязью,
а это не одно и то же.

Таинственно-обычный город, полный
облезлых сказок
и запаршивевших легенд,
реинкарнаций и чудес небритых.
урод, наполненный протухшими
мифологически-логичными изысками в простуженных,
и кашляющих душах.
Ирландский город, где
фоморы – серые осклизлые дома, а
по ночам – глаз Балора,
немеркнувший фонарь, слепящий окна,
и проникающий душевный трепет
сквозь легкий тюль гардин,

и поливающий
скисшим едко-белым молоком
полуиздохший сумрак,
в агонии сползающий по стенам
с обрывками обоев под когтями...
А утром мы,
следы когтистых лап увидя на любимых
и дорогих недавно купленных обоях,
хватаясь за веник с нецензурным словом
и запираем в туалете кошку,
хотя – вот парадокс! –
она ни в чем не виновата.

16.12.2004

«Выбитый оскал одряхлевшей луны...»

Выбитый оскал одряхлевшей луны
застыл. Неужели все, что я делала, было зря?..
Неужели зря были нежные руки мои плавны
томностью двух лебедей в чаше горького янтаря?..

...Оборванец-ветер снова за полночь начинает ныть
и качать апельсинно-муторно-сытую
лысую морду
безглазого фонаря...

Я иду клубками запутанных
в смертной муке домов,
на чистых несмятых страницах
во льду оставляя следы.
Озираясь по-волчьи голодно и неправильно.
От ветра укрывшись
ядовито-кобальтной полутьмой,
я кого-то бью по лицу, и сама получаю под дых,
и смотрю, смотрю тонким взглядом смеющихся
Каина и Авеля.

...А в глазах темнеет,
и мрак обнимает нежно, точно живой.
И на спину кладет, не давая упасть,
и так робко-бесстыдно
руками разводит колени,
на царственном ложе замерзшей грязи
вперемешку с увядшей травой...
– Нет, я не дам тебе!
– Почему?.. Ты сама звала меня
страстно, и долго хотела...

Я здесь
(целует)
лишь по приказу твоему и велению –
утешить бесплодной тоской изнуренное тело...
И ныне – ты видишь, – меркнет свет
Близ тебя. И теперь – только я искусный и
желанный любовник твой...
– Нет!.. – ...на сотни, и тысячи, и миллиарды
световых темных лет...
Вздыхнул. И приник к плечу головой.

03.01.2005

Дар

Лежать и смотреть на пламя свечи,
Когда от души несет мертвечиной.
Молись – не молись, кричи – не кричи...
Лишь морось за окнами – первопричиной.

Я в дар получила не Жизнь и не Смерть,
Не боль, не тоску, не звенящую небыль.
Я в дар получила лишь право посметь
Безглазо взглянуть в равнодушное небо.

19.01.2005

Снежный ворон

Снежный ворон клювом стучит в окно. С неба
осыпается серая рвань седины.

Снегом

лица, волосы, руки продрогнувших душ полны.

Снежный ворон трогает клювом засохшую кровь –
бурые кисти, упавшие месяцем синим
с рябины.

Шьет венчальный наряд. Все по мне –
и блестящая ткань, и раскрой...

Только ладан в церквах
отдает легким привкусом тины.

Снежный ворон всегдашним вопросом ответил
на робкий ответ.

Ворон-время-и-Вечность – не одно ли и то же? –
снежным клювом долбит в проржавевшую сталь.

Вратам

все равно. Но мороз продирает по коже
и в висках отдается тот стук, и во всей голове,
превратившейся в купольный зал...

...пустота.

08.02.2005

Ольмен

Сквозь бежевые ветви Запада
вербным ветром прилетела,
зашумела
тонкими крыльями весеннего вечера-запаха

Птица. Узкий клюв приоткрыт.
Падают льдинками с крыш
слова
в тишину –
о том, как уснуть
и проснуться живой,
прорастая зеленой травой
из самых глубин естества.

В перьях птичьих
сумрак запутался, затекавший в окно,
и притих.
...А я одно
шепчу молчаливо: «Ты ли?.. Ты ли?..»...
Паруса облаков
из дальних гаваней плыли,
и жаркой цветочной пыли
на тревожные сны опустился легкий покров.
Птица-Ольмен, улыбаясь, держит на одной ладони
мир, где дороги и горизонт,
за которым ветер голову склонит
и помчится перед грозой
к озерам, свивая гриву в серые тучи.
...А на другой ладони – тонкий лучик,
белый, – первых весенних дождей.
Мир – это просто... поляна, где
мы счастливыми будем.

Птица-Ольмен улыбается мудро.
Садиться мне на плечо.
Утро
пришло между синих ветров поболтать – ни о чем,
просто так. Птица-Ольмен – знает все сказки
и сказы.
Скачет
сердце, как вспугнутый конь.
Далеко
ли до неба? Нет, лишь крыло протянуть.
Я вдруг поняла, что значит «найти свой путь»
Птица-Ольмен. Вечный закат среди сказок

И ветра.
Холмы. Птица-Ольмен черным, как небо, глазом
смотрит... Светлый
воздух – из него родится весна.
За чертой, где сливается явь и сиреневый тон
полусна,
руку протяну
тебе – и поймаю в ладонь луну...

...Птица-Ольмен.

12.02.2005

Песня о доме

*Покажите мне дорогу домой –
Я по свету бродить устал...*

Тэм

Я вдруг поняла, почему
Я осталась на этой земле.
Почему не ушла во тьму
Иль за ветром весенним вслед.

Почему под небесным льдом
Мне так больно и одиноко...
...Я должна здесь построить дом –
Дом надежды и теплых окон.

...Я ведь тоже шептала в весну:
«А давай уйдем на заре...» –
Предпочтя бесконечность сну,
Канем в омут открытых дверей!..

Но простой, как небо, закон
В ксилофоне стремян прозвучал:
«Даже тем, кто плывет далеко
Нужен – будет – причал.»

Закон, что рожден дыханьем пути –
Но, увы, неведом скитальцам...
Чтобы кто-то смог с зарею уйти,
Нужно лишь, чтобы кто-то остался...

Нужно лишь, чтобы кто-то ждал –
Ждал в черемуху и в метель,
Чтобы дверь распахнулась, когда
Голос вдруг прозвучит в темноте...

В краю луговом, с детства родном,
У реки, на холме невысоком
Я построю для всех скитальцев дом –
Дом надежды и теплых окон.

Мне яблонный сад помогут сажать
Смешливые старые боги.
И я наколдую, ладони сжав,
Чтоб сюда влекли все дороги.

Молодое найдется вино и хлеб,
И усталым коням – овес...
За окном – белокурый цветущий плеск,
Тростники да речной плес.

Это – дом по-детски протянутых рук,
И снов, по-табунному вольных.
Здесь забудется старая горечь разлук
И то, что зовется болью.

Если встать до света, как раз
Успеешь спуститься к реке.
Мед и хлеб – где вчера,
Яблоки – на чердаке...

...Я вас не устану ждать,
Я расслышу конскую поступь
И по тонкой корочке льда,
И по синему вешнему полю...

В дальнем краю травяном
Я не устану стеречь
Маленький старый дом –
Дом теплых окон и встреч.

19.02.2005

Полно – луние

Костлявые руки деревьев.
Полное тусклой сиренью
море – распахнуто над головой.
Жилами-струнами
из горла к небу протянувшись, рвется вой,
похожий на крик, полный полно –
– весной весенней тоской.
Волнами –
волосы, отзвуки радости не-людской –
Оборотень.
В тень.

Черная проледь в карамельном снегу –
полнится через край
предчувствием Грядущего. Перемен.
Люди и вещи – слегка не в своем уме...

Полно – луние:
Молоко – по небу – катится да не выльется...
Шести – струние.
Шести – крылие.
Полный до краев кувшин –
под ноги.
Полной до краев души –
по ветру
клочья. Полный до крыш мир – одним глотком –
в полные по окоем глаза – полно-лунной тоской.

Полно – луние.
Серо – плащие.
Вечно – юное
Не-настоящее.

Наполнив взглядом небо,
телом – тени,
истаивая в тишину,
медленно смеюсь – снегом.
И бреду полно –
– лунием, колокольным
много-звучием –
в ярко-ванильную
Луну.

27.02.2005

«Кисточку в мазут...»

Кисточку в мазут
Обмакну
И напишу на стене
Иероглиф «Память».
Вспомнилось...

...Вдруг. Друг серебряный-снег
Во вздыбленном металле
Грив
Бегущих вдаль
Высоковольтных линий.
И сомкнутые губы горизонта...

...В буран. И рыжие обточки
Карандашных фонарей.
И патока затепленных витрин.
И затхлость тайн
Неблизкого – усталостью –
Метро.

Ты видишь?.. В автобусных
Берлогах гаснет свет,
Размазавшись по слякоти.
И наша ночь,
Ополоумевши,
Сдвигает крышки с люков,
Ведущих вниз...

...Идет,
Попискивая скрипкими суставами,
Коленчатую шею вытянув
На свет,
И сероглазо щурится...

...Гундосливое месиво толпы
Амебно движется-тревожится.
Ознобкий парусник
Ушедших в снежность новостроек.
Коричный запах
В брусчатку втоптаных
Размокнувших окурков...
...И холодно.

Ты видишь?.. Наша ночь.

27.03.2005

«Ночные поезда сквозь осень...»

Ночные поезда сквозь осень,
Идолопоклонники рябиновых закатов!..
Какая же рука
Вас бросила
Бежать сквозь гравий
И ржавую траву на полотне,
Небрежно вытканном,
С прорехами дождей
И полустанков?..

Устанете –
Опавшей хвоей
Холодит лицо
Сентябрь Финского залива;
И электричным треском
Скользких веток.
Сыроежка?.. Нет, опять листок.
Тоскливы
По осени ночные клики
Перелетных поездов,
Облезливо-зеленокрылых
И тускло гаснущих вдали
Подслеповатыми
Глазами-окнами...
Сколько нам?..
В дождливый сумерек в прокуренных
Насквозь вагонах,
Пропахших мокрыми грибными рюкзаками
И грустью,
Увядший папоротник
Мирно спит в корзинах.
А у окна, с газетой притулившись,
Дремлет вечность.
И дождь извивисто ползет
По серому стеклу...

Под равнодушными, обутыми в резину
Ступнями
Вдыхает грязь;
Молчит раскрошенный асфальт
Перронов;
И острой болью
По нервам-проводам –
Далекий гул товарняка.
Лесного бурого медведя-лесовоза,

Круглящего бока цистерн –
Он в глушь бежит
От человека...
Вехи –
Столбы – перроны,
Минуты сна
И полусвета...
...Ночные поезда сквозь осень.

29.03.2005

Прощание

Вздых стены –
В твоих волосах.
Голубь фонаря
На ветру.
И в натру –
женных пальцах – ржавь
Сентября,

Музыкального рельсовым стуком.
Ласковый отзвук
Туннелей
Ложится под дождь,
Засыпая.

Прощай!.. Мое сердце поет
В такт
Упругим в ночи проводам.
Рассыпаются искры,
Сквозь асфальт
Прорастая вглубь,
К торопливому сердцу Земли.

В задумчивых
Сполохах глаз
Вижу поезда дальнего
Свет
И порыв... Ирслэинд'иэн!.. –
Прощай...

31.03.2005

«Геометрия крыш...»

Геометрия крыш
на болезненной
нежности неба.

Задумчивый матовый ветер,
прилетевший от края дворов...
Тихий, усталый говор асфальта
под серыми лапами поздних машин...

...Ломкое ведьмино счастье –
любить этот дикий
застенчивый
мир пустырей и трущоб,
и вольночных
плачей над старым вокзалом

В час – единственный,
пристальный час, когда
молча в таинство крыш
молочные сумерки пали...

...Давний сон у меня на плече.

31.03.2005

«Сколько раз умирала за эту весну!..»

Сколько раз умирала за эту весну!..
Но опять – и снова!.. – живу...
Пред землю талой колени согну,
Прорастая лицом в траву.

Наслаждаясь мозаикой облезлых стен
И мокрой дневной синевой,
Я гляжу, как река несет на хвосте
Ледохода игольчатый вой.

Город ярко вскинул крыла куполов,
Устремляется в синь и ввысь.
На кустах – воробьи; на граните – тепло.
Сфинксы лижут сахар Невы,

Проницая взглядом далекий залив
Вслед задумчивым кораблям...
Сладкий запах конских нечесанных грив,
Тополя кругом, тополя!

Слитный рокот машин, перестукот карет
Разбивается об асфальт.
День-деньской в проводах – чей-то дальний привет, –
На ветру гудела строфа...

Я поймала ее, а потом отпустила – она вспорхнула с руки
Желтой бабочкой; знак – для тех, кто грустит –
Избавления от тоски...

В лабиринте дворов потерялся день,
Вечеру забыло стемнеть.
Закачалась чайкою на воде
Закатная горькая медь.

На неслышных лапах ветер прошел,
Чуть тревожа речной гранит.
Размотался синий весенний шелк,
Раскидав цветные огни

По ущельям улиц...

03.04.2005

«Талой землей...»

Талой землей
пахнут грезы о горных склонах;
Мокрым асфальтом и
тополями.
О кельтских крестах горьковатого
дыма,
о пепле и ветре...

Волынщик-закат молчаливо
роняет
в омуты раненых душ
сиренево-тонкие перья
тоски
одиноких трасс,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.